

# Медресе и становление мусульманской женщины

---

Лондон: Издательство Оксфордского университета, 2018.  
344 страниц.

ХЕМ БОРКЕР (HEM BORKER)

Исламское образование тесно связано с ученостью и научным прогрессом. Долгая история учености образовательной системы медресе охватывает мусульманское правление и цивилизацию. Мусульманские женщины на протяжении веков принимали активное участие в подобном исламском образовании. Например, Университет ал-Каравийин в Фесе, Марокко, предлагает уникальную существующую и все еще действующую модель, где религиозность, пол и образование объединяются, создавая большой научный центр, в котором в 1207 г. была присуждена первая в мире задокументированная медицинская степень (*иджāза фй-т-тиб*) (Fourtassi et al. 2020). Этот университет, признанный ЮНЕСКО (2020 г.) «старейшим университетом в мире», был основан вместе с соответствующей медресе образованной мусульманской женщиной Фатимой ал-Фихри в 859 г. Документально подтверждено, что медресе, известные как «*Дār ал-фақīха*» [Дом женщины-правоведа], возглавлялись женщинами, имевшими привилегированный доступ в Университет ал-Каравийин в период расцвета его научной деятельности (Ahmed 2016).

Однако в настоящее время медресе часто ассоциируются с отсталостью, индоктринацией, экстремизмом и угнетением образовательных устремлений женщин. Необходимы эмпирические исследования, чтобы изучить образование в медресе за пределами существующих поверхностных и частичных стереотипов, чтобы произвести более глубокий детальный анализ наследия медресе, современных трудностей и потенциального вклада.

Работа Боркер способствует этому научному пониманию, охватывая аспекты сложной образовательной роли, которую обучение в медресе играет в жизни и карьере девочек-мусульманок в Индии. Она предлагает читателю богатый, доступный, наводящий на размышления этнографический анализ, опирающийся на сопоставление пола, религии и образования, основанный на двенадцатимесячной полевой работе. Книга разделена на введение, семь основных глав, подробно описывающих обучение девочек в медресе (их пути, переходные этапы, стремления), и заключительную главу, в которой переплетаются различные темы и предлагаются методические размышления. Сочетание проницательных теоретических концепций, включая «работу над воображаемыми сообществами, феминистские и антропологические исследования женского благочестия и концепцию Аппадурои (2013) о «способности стремиться» (3), отражает сложность траекторий и выбора девочек за пределами риторики и стереотипов, приписываемых медресе. Тем не менее исламская научная концептуальная основа рассуждений остается в стороне от этого анализа. Более того, некоторые предоставленные объяснения поведения студентов могут быть оспорены, а некоторые использованные фотографии поднимают потенциальные этические вопросы.

В основу повествования книги положены два ключевых аргумента: во-первых, благочестивые практики *камил момина* (на урду – идеальная, полноценная или совершенная мусульманская женщина: см. стр. 3) неоднозначны; и, во-вторых, устремления девочек меняются в ходе продолжающегося процесса обсуждения. Соответственно проблематизируется предпологаемое «стереотипное представление образования в медресе как религиозно-культурного ограничивающего женщин фактора» (268). Она выступает против попытки политиков инструментализировать медресе, чье культивирование культуры или религии служит иным целям, на основе подхода к модернизации медресе, осуществляемого сверху-вниз и под руководством государства. Вместо этого автор выступает за подход

«снизу-вверх», выявляя многочисленные микропроцессы, играющие роль в образовании девочек в медресе, включая родительские интересы, *дини* (религиозное) и *дунйави* (мирское) образование, а также сети сверстников, развивающиеся внутри медресе. Боркер утверждает, что образование в медресе обеспечивает, как считается, безопасное мусульманское пространство для взаимодействия и знакомит девочек с дискуссионными представлениями об идеальном образе мусульманской женщины, а также обеспечивает контекст, в котором непредвиденные изменения в стремлениях девочек и благочестивых предписаниях формируются посредством возникающих возможностей и проблем в их повседневной жизни. На протяжении всей книги автор эффективно исследует, как подобный процесс изменения способствует «изменению представлений о гендере в более широком сообществе и процессам создания будущего» (8).

Теоретические основы изложены во введении. Во второй главе Боркер должным образом контекстуализирует дискурс о мусульманской женщине в его историческом контексте развития медресе и попыток реформирования, отвечающих колониальным интересам и программам. Она творчески ставит под сомнение общепринятую бинарную оппозицию традиции и современности, а также понятие «мусульманская женщина» в сравнении с западными моделями расширения прав и возможностей через сопротивление. Три этнографических случая поднимают законные вопросы о динамике преемственности и изменений в образовательном и карьерном пути учениц медресе. Возникающие противоречия рассматриваются в третьей главе. Предлагая детальный анализ, четвертая глава контекстуализирует религиозное образование девочек в медресе в рамках его более широких сфер влияния. Сюда входят социально-экономическая и политическая маргинализация мусульман в Индии; подъем правого движения хиндутва и сопутствующее ему усиление негативных стереотипов о мусульманском меньшинстве; «очернение медресе» и коммунализация общественного пространства; и влияние исламских реформаторских движений, стремящихся укрепить представление о роли женщин в возрождении идеализированной *уммы*. Главы 5, 6 и 7 исследуют траектории, описывающие практики благочестия девочек, и переходят к их «воображению того, что представляет собой идеальная мусульманская женщина» (268) при различных переходных процессах. Размышления и рекомендации, изложенные в главе 9, позволяют рассматривать выявленные моменты в образовании и занятости девочек «как потенциальные точки

принятия политических мер» (268) для дальнейшего облегчения доступа учениц медресе и женщин-мусульманок в общественные места и создания плюралистических общих пространств для участия женщин.

Как отмечалось ранее, у меня есть три главных вопроса к этому тексту. Во-первых, при анализе рассказов участников необходимо более серьезно отнестись к основным структурам их исламских онтологических и эпистемологических рамок для того, чтобы исследовать их значения более глубоко. Пересмотр этих рамок способствовал бы направлению этих противоречивых рассказов к большему подобию согласованности в отношении личных устремлений участников, их чувства принадлежности, человеческих недостатков, отношений с другими и жизненных приоритетов. По-прежнему крайне важно различать прямое прочтение девочками ключевых исламских источников, Корана и хадисов, различных школ толкования Корана, включая теологию и юриспруденцию, и идеологические интерпретации идеальной мусульманской женщины под влиянием социально-политических контекстов. Смещение первых двух сфер и последнего идеологического измерения вносит путаницу в некоторые аналитические выводы о ключевой концепции «амбивалентного благочестия». Учитывая меняющийся контекст, в этом исследовании не всегда признавалась сила исламских знаний девочек для разработки (*иджитихād*) соответствующих научных постановлений, которые не противоречили бы их пониманию благочестия. Упоминание учениками *қисмат* (удела) и воли Аллаха (65–66) демонстрирует, как их богословское понимание *қадар* (судьбы) способствует пониманию их реальности и согласовывает планы на будущее. Обоснования студентов не рассматривают спорт и игру как нарушение границ благочестия на основании религиозных рассуждений при применении основных исламских источников (201): «со своей стороны девушки часто защищались, говоря: “Коран *теіп khelne pe manai nahi hai*” (Коран не говорит, не играй), и искали любую возможность, чтобы предаться такому веселью». Исследователь также заявляет: «многие девушки описывали “смотрение наружу” [не будучи видимыми посторонними] как поведение, находящееся в пределах благочестия» (202). В шестой главе Боркер обсуждает аспект «образца для подражания» в формировании взглядов студенток на благочестие на основании примера женщин из дома Пророка. Некоторые учебники медресе по хадисам содержат повествования, которые бросают вызов версии благочестия медресе, рассматривая такие игры,

как «*jangli* (дикий и нецивилизованный) и не подобающие воспитанным девушкам» (200). Например, в различных книгах рассказывается, что Пророк соревновался со своей женой Аишей (в «*Сунан Абй Дāvūd*» и «*Сунан Насā'ī*»), и также он держал ее позади себя, наблюдая за игрой абиссинцев в мечети (в «*Ṣaḥīḥ Бухārī*» и «*Ṣaḥīḥ Муслим*»). Следовательно, формирование новой личности может возникнуть не за счет противоречий, идеологий и личных манипуляций, но также за счет подлинного духовного опыта и применения активных рефлексивных научных направлений религиозного рассуждения (*иджтихād*), учитывая постоянно меняющийся контекст (*'урф*). В связи с этим я хотела бы спросить, пожалуют ли участники, читающие эту книгу, о своем участии в исследовании, в котором их опыт, рассказы и выборы были сведены к идеологическим факторам, тактике и ловким маневрам.

Во-вторых, в шестой главе автор представляет попытки девочек обойти некоторые ограничения медресе, в том числе симулировать болезнь и одержимость джиннами, что, как предполагает автор, могло быть использовано в качестве стратегии выхода. Ибн Халдун (2005) считает, что использование основанного на запретах подхода к дисциплине для того, чтобы воспитать *адаб* (нравственное поведение) у учащихся, наносит ущерб самооценке и счастью учащихся, что может побудить их манипулировать, чтобы избежать наказания. Тем не менее полагаться на манипуляцию как на объяснение противодействия надзору за дисциплиной в медресе проблематично. Учитывая воздействие таких факторов, как отъезд из дома, интенсивные занятия и адаптация к замкнутой обстановке медресе, у некоторых студентов могут развиваться настоящие проблемы с психическим здоровьем или расстройства пищевого поведения. Приписывание галлюцинаций или других психотических симптомов джиннам (то есть невидимым духам), по-видимому, довольно распространено среди пациентов мусульманского происхождения (Dein and Illaiee 2013; Lim, Hoek, and Blom 2014).

В-третьих, этические гарантии с уделением особого внимания *пурда* могли быть нарушены. На рис. 6.3 (182) показаны лица и шеи девушек, а на рис. 6.5 (183) показаны лицо и волосы выступающей, даже несмотря на то, что они находились в надежном месте только для женщин, что, вероятно, влекло за собой строгие условия доступа, запрещающие показывать лица девушек. Эти фотографии вызывают беспокойство относительно характера согласия людей в полевых условиях. Это может

иметь серьезные последствия для доверия и будущего исследовательского доступа к этим медресе.

Подобная критика не должна умалять важности этой книги для изучения образования девочек-мусульманок в условиях медресе или для широкого изучения системы образования медресе и ее развития в местных социально-политических контекстах. Книга дополняет материалы, включая «Медресе в эпоху исламофобии» Салама и Парваиза (Salam and Parvaiz, “*Madrasas in the Age of Islamophobia*”) (2020), в особенности описанные в ней (73–76) некоторые ключевые траектории, изменения мышления и контекстуальные влияния на выбор девочек в отношении образования и занятости в разные переходные периоды. Боркер демонстрирует и анализирует такие ситуации этнографически (главы 1, 3 и 8).

Независимо от личных оценок читателя в отношении пола и исламского образования, этот сбалансированный, обширный и стимулирующий вклад окажется ценным для курсов по исламскому образованию для студентов и аспирантов. С другой стороны, тем, кто особенно заинтересован в изучении образования девочек в медресе, эта книга обязательна к прочтению.

## Библиография

- Ahmed, Sumayya. 2016. “Learned women: Three Generations of Female Islamic Scholarship in Morocco”. *The Journal of North African Studies* 2, no. 3: 470–484.
- Dein, Simon, and Abdool Samad Illaiee. 2013. “Jinn and Mental Health: Looking at Jinn Possession in Modern Psychiatric Practice”. *The Psychiatrist* 37, no. 9: 290–293.
- Fourtassi, Maryam, Naima Abda, Yassamine Bentata, and Abderrazak Hajjioui. 2020. “Medical Education in Morocco: Current Situation and Future Challenges”. *Medical Teacher* 42, no. 9: 973–979.
- Ибн Халдун. 2005. *Ал-Муқаддима [«Пролегомены»]*. Изд. Абдесалам Шеддади. Т. 3. Касабланка: Байт ал-фунун ва-л-улум ва-л-адаб.
- Lim, Anastasia, Hans W. Hoek, and Jan Dirk Blom. 2014. “The Attribution of Psychotic Symptoms to Jinn in Islamic Patients”. *Transcultural Psychiatry* 52, no. 1: 18–32.

Salam, Ziya Us, and M. Aslam Parvaiz. 2020. *Madrasas in the Age of Islamophobia*. London: Sage.

UNESCO. 2020. “World heritage list, Medina of Fez”. UNESCO World Heritage Centre. Дата обращения: 14/12/2020. <http://whc.unesco.org/en/list/170/>.

ФЕЛЛА ЛАХМАР (FELLA LAHMAR)  
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ PhD (НЕПОЛНАЯ ЗАНЯТОСТЬ)  
БОЛТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, НОТТИНГЕМ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3400